

Устный журнал «У войны не женское лицо» (по книге Светланы Алексиевич)

Цели: 1) через стихи, рассказы, музыку дать почувствовать детям величие духа женщин военного поколения, их веру в торжество справедливости и правды на Земле;

2) содействовать развитию речи, мыслительных операций, внимания, памяти учащихся;

3) средствами художественного слова воспитывать высокие гражданские, патриотические, нравственные качества: любовь к Родине, свободе, гуманизм, интернационализм, мужество, милосердие и др.

Эпиграф: У войны не женское лицо. Но ничто на этой войне не запомнилось больше, резче, страшнее и прекраснее, чем лица наших матерей.

А. Адамович

Ход мероприятия:

1-я страница «У героического – тысячи лиц»

Вступительное слово педагога (звучит запись «Ave Maria» Ф. Шуберта):

- На самой страшной войне женщине пришлось стать солдатом. Она не только спасала, перевязывала. Но и стреляла из «снайперки», бомбила, подрывала мосты, ходила в разведку. Женщина убивала, она убивала врага.

- «Не женская это доля – убивать». Лишь немногие участницы боев ныне и могут рассказать о том. Что у войны поистине «не женское лицо».

- Прочитайте эпиграф к нашему мероприятию. Как вы понимаете смысл выражения «у войны не женское лицо»?

- «У войны не женское лицо» - это тема нашего сегодняшнего занятия.

2-я страница «Когда бы мы ни родились, мы все родились в сорок первом».

Рассказ педагога и учащихся по презентации.

3 Сестра, подруга, жена и самое высокое – мать... Женщина дает жизнь, женщина оберегает жизнь, женщина и жизнь – синонимы. Но на самой страшной войне двадцатого века женщине пришлось стать солдатом. Женщины на фронте не только помогали раненым, но и стреляли, бомбили, подрывали мосты, ходили в разведку. Они убивали врагов. Они защищали свою землю, свой дом, своих детей...

4 Валентина Чудаева, сержант, командир зенитного орудия: «И вот - сорок первый год... У меня последний школьный звонок. У нас у всех были какие-то планы, свои мечты, ну, девчонки ведь. После выпускного вечера мы поехали по Оби на остров. Такие веселые, счастливые... Еще, как говорится, нецелованные, у меня еще даже парня не было. Возвращаемся, рассвет на острове встретили... Город весь бурлит, люди плачут. Кругом: "Война! Война!"...

5 Антонина Бондарева, гвардии лейтенант, старший лётчик: «К концу сорок первого мне прислали похоронную: муж погиб под Москвой. Он был командир звена. Я любила свою дочку, но отвезла её к его родным. И стала проситься на фронт... В последнюю ночь... Всю ночь простояла у детской кроватки на коленях...»

6 Клавдия Терехова, капитан авиации: «Платья, туфельки на каблуках... Как нам жалко их, в мешочки позапрятавали. Днём в сапогах, а вечером хоть немножко в туфельках перед зеркалом. Командир увидел и через несколько дней приказ: всю женскую одежду отправить домой в посылках. Вот так! Зато новый самолёт мы изучили за полгода вместо двух лет, как это положено в мирное время. В первые дни тренировок погибло два экипажа. Поставили четыре гроба. Все три полка, все мы плакали навзрыд. Потом, на войне, хоронили без слез. Перестали плакать...»

7 Дубнякова, старший сержант, санинструктор: «Я до сих пор помню своего первого раненого... Лицо помню... У него был открытый перелом средней трети бедра. Представляете, торчит кость, осколочное ранение, всё вывернуто. Эта кость... Я знала теоретически, что делать, но когда я к нему подползла и вот это увидела, мне стало плохо, меня затошнило. И вдруг слышу: «Сестричка, попей водички» это мне этот раненый говорит. Жалеет. Я эту картину как сейчас вижу. Как он это сказал, я опомнилась. Развернула индивидуальный пакет, закрыла им рану, и мне стало легче, и оказала, как надо помощь».

8 Мария Морозова, ефрейтор, снайпер: «После фанерных мишеней стрелять в живого человека было трудно. Я же его вижу в оптический прицел, хорошо вижу. Как будто он близко... И внутри у меня что-то противится... Что-то не дает, не могу решиться. Но я взяла себя в руки, нажала спусковой крючок... Он взмахнул руками и упал. Убит он был или нет, не знаю. Но меня после этого еще больше дрожь взяла, какой-то страх появился: я - убила человека?! К самой этой мысли надо было привыкнуть. Да... Короче - ужас! Не забыть...»

9 Ольга Васильева, санинструктор: «Перевязываю танкиста... Бой идет, грохот. Он спрашивает: "Девушка, как вас зовут?" Даже комплимент какой-то. Мне так странно было произносить в этом грохоте, в этом ужасе свое имя – Оля. Всегда я старалась быть подтянутой, стройной. И мне часто говорили: "Господи, разве она была в бою, такая чистенькая". Я очень боялась, что если меня убьют, то буду лежать некрасивая.»

10 Мария Детко, рядовая, прачка: "Стирала... Через всю войну с корытом прошла. Стирала вручную. Телогрейки, гимнастерки... Халаты маскировочные насквозь в крови, не белые, а красные. Черные от старой крови. В первой воде стирать нельзя - она красная или черная... Гимнастерка без рукава, и дырка на всю грудь, штаны без штанины. Слезамы отмываешь и слезамы полощешь. И горы, горы этих гимнастеров... Ватников... Как вспомню, руки и теперь болят. Я часто их и теперь во сне вижу... Лежит черная гора..."

11 Валентина Илькевич, партизанская связная: «Я не хотела убивать, я не родилась, чтобы убивать. Я хотела стать учительницей. Но я видела, как жгли деревню... Я не могла крикнуть, я не могла громко плакать: мы направлялись в разведку и как раз подошли к этой деревне. Я могла только грызть себе руки, у меня на руках остались шрамы с тех пор, я грызла до крови. До мяса. Помню, как кричали люди... Кричали коровы... Кричали куры... Мне казалось, что все кричат человеческими голосами. Все живое. Горит и кричит. Это не я говорю, это горе мое говорит...»

12 Ольга Омельченко, санинструктор стрелковой роты: "Привезли раненого, полностью забинтованный, у него было ранение в голову, он чуть только виден. Но, видно, я ему кого-то напомнила, он ко мне обращается: "Лариса... Ларочка..." Я подошла, никак не пойму, все присматриваюсь. "Ты пришла? Ты пришла?" Я за руки его взяла, нагнулась... "Я знал, что ты придешь... Он что-то шепчет, я не могу понять, что он говорит. И сейчас не могу рассказывать, когда вспомню этот случай, слезы пробиваются. Я, говорит, когда уходил на фронт, не успел тебя поцеловать. Поцелуй меня... И вот я нагибаюсь над ним и поцеловала его. У него из глаза слеза выскочила и поплыла в бинты, спряталась. И все. Он умер..."

13 Александра Попова, гвардии лейтенант, штурман: «Наш полк был полностью женский... Вылетели на фронт в мае сорок второго года... Дали нам самолёт «По- 2». Маленький, тихоходный. Летал он только на малой высоте, часто на бреющем полёте. Над самой землёй! Сейчас нас называли бы камикадзе, может быть, мы и были камикадзе. Да! Были! Но победа ценилась выше нашей жизни. Победа! Ты заходишь над целью, тебя всю трясёт. Всё тело покрывается дрожью, потому что внизу огонь: истребители стреляют,

зенитки расстреливают... Несколько девушек вынуждены были уйти из полка, не выдержали.»

14 Клавдия Григорьевна Крохина, старший сержант, снайпер: «Первый раз страшно... Очень страшно... Потом это прошло. И вот как.... Как это случилось... Мы уже наступали, было это где-то возле небольшого посёлка. Кажется, на Украине. И там, когда мы шли, около дороги стоял барак или дом, невозможно было уже разобрать, это всё горело, сгорело уже, одни угли остались. Обгоревшие камни... Многие девочки не подошли, а меня как потянуло... В этих углях мы увидели человеческие кости, среди них звёздочки обгоревшие, это наши раненые или пленные сгорели. После этого, сколько я ни убивала, мне уже не было жалко. Как увидела эти чёрные косточки...»

15 Ольга Забелина, военный хирург: «Бывает, услышу музыку... Или песню... Женский голос... И там найду то, что я тогда чувствовала. Что-то похожее... А смотрю кино о войне – неправда, книгу читаю – неправда. Ну, не то... Не то получается. Сама начинаю говорить – тоже не то. Не так страшно и не так красиво. Знаете, какое красивое бывает на войне утро? Перед боем... Ты смотришь и знаешь: оно может быть у тебя последним. Земля такая красивая... И воздух... И солнышко...»

16 Мария Василевская, сержант, связистка: «На войне было столько чудес... Я вам расскажу... Лежит на траве Аня Кабурова... Наша связистка. Она умирает - пуля попала в сердце. В это время над нами пролетает клин журавлей. Все подняли головы к небу, и она открыла глаза. Посмотрела: "Как жаль, девочки". Потом помолчала и улыбнулась нам: "Девочки, неужели я умру?" В это время бежит наш почтальон, наша Клава, она кричит: "Не умирай! Не умирай! Тебе письмо из дома..." Аня не закрывает глаза, она ждет... Наша Клава села возле нее, распечатала конверт. Письмо от мамы: "Дорогая моя, любимая доченька..." Возле меня стоит врач, он говорит: "Это - чудо. Чудо! Она живет вопреки всем законам медицины..." Дочитали письмо... И только тогда Аня закрыла глаза...»

17 Тамара Умнягина, гвардии младший сержант, санинструктор: «Разве это поймет тот, кто там не был? А как рассказать? С каким лицом? Ну, ты ответь мне - с каким лицом это надо вспоминать? Другие как-то могут... Способны... А я - нет. Плачу. А это надо, надо, чтобы осталось. Надо передать. Где-то в мире должен сохраниться наш крик. Наш вопль...»

- Вы прослушали рассказы женщин-фронтовичек, партизанок, подпольщиц про самую страшную войну 20 века – Великую Отечественную.

- В очень многих воспоминаниях женщин повторяется вопрос: «Почему 17-18 летние девушки должны были идти на войну?» Легко ли им было

становиться солдатами? Научиться убивать? Подтвердите свою мысль словами из воспоминаний.

- Как вы думаете, какие душевные качества присущи всем женщинам, прошедшим войну? Что считают они самым большим счастьем на Земле? Приходилось ли вам слышать подобные рассказы от близких вам людей?

3-я станица «Четыре года и «моей» войны»

- Четыре года Светлана Алексиевич записывала воспоминания женщин, побывавших на войне. Среди ее героинь не известные летчицы и не прославленные снайпера, про которых уже немало написано, а обыкновенные девчата, каких было много. Из книги восстает новый облик войны, который остался в эмоциональной женской памяти. Сейчас вы познакомитесь с краткой биографией автора книги «У войны не женское лицо» - Светланой Алексиевич. **(Выступление учащегося)**

- Светлана Алексиевич родилась после войны 31 мая 1948 года в г. Иваново-Франковске. Окончила Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина. Работала в районной и республиканской печати.

С. Алексиевич, родившаяся после войны, шла по кровавым и огненным следам прошлого, ведь и ее судьбу жестоко задела война: 11 человек не досчитался ее род. В 1984 году она пишет книгу «У войны не женское лицо». Это книга-исповедь, книга-документ, книга народной памяти, в которой звучит множество женских голосов. У памяти этой сотни адресов и имен.

- Содержание этой книги могло бы быть бесконечным. С. Алексиевич словно прокручивает тысячи метров драгоценной пленки. Звучат живые голоса времени. Свидетельствуют женщины войны о войне. Через женскую боль и скорбь прорывается вопрос, обращенный в сегодня, в завтра: **«Есть ли мать, которая хочет войны?»** (Ответы учащихся)

- Да, эта книга для всех. О прошлом для будущего. Переведена на болгарский, чешский, немецкий, польский, венгерский, китайский языки.

- Считаете ли вы эту книгу актуальной? Почему?

- Перенесенные испытания не сделали наших женщин жестокими, мстительными, наоборот, война обострила в них способность чувствовать чужую боль, как свою, в полной мере проявила их великую милосердность.

В итоге нашего мероприятия я хотела, чтобы вы еще раз окунулись в военно-документальную хронику из жизни женщин на войне и поняли, что несмотря на те тяжелые испытания, которые выпали на их долю, они всегда оставались настоящими женщинами.

